

Е. М. Штаерман, М. А. Коростовцев, В. И. Кузищин
С. Л. УТЧЕНКО — ИСТОРИК АНТИЧНОГО МИРА

ОЦЕНИВАЯ вклад С. Л. Утченко в науку о древности, прежде всего надо отметить, что все его научное творчество было тесно связано с основными направлениями развития советской историографии античности в послевоенный период. Каждый этап этого развития нашел то или иное отражение в его деятельности и как исследователя, и как организатора науки.

В конце 40-х — начале 50-х гг., когда С. Л. Утченко после демобилизации из Советской армии активно включился в научную работу, в нашей науке об античности в связи с началом работы над томами «Всемирной истории», посвященными древнему Востоку и античности, возникла необходимость заново рассмотреть целый ряд теоретических вопросов, таких, как проблема кризиса и крушения рабовладельческого способа производства, вопрос о социальной структуре античного общества и роли классовой борьбы в его развитии, проблема периодизации древней истории и теоретической оценки таких явлений в социально-политической жизни древнего мира, как становление, расцвет и кризис полиса в Греции, как падение республики и возникновение империи в Риме и многих других. Все эти вопросы настоятельно требовали разрешения или хотя бы достаточно четкой формулировки, чтобы обеспечить дальнейшее развитие марксистской исторической науки об античности. Со всей остротой они встали во время дискуссий, связанных с обсуждением проспекта второго тома «Всемирной истории», посвященного эпохе развитой рабовладельческой формации.

Уже в ходе этих дискуссий С. Л. Утченко выступил против отождествления кульминационного пункта развития рабовладельческого способа производства, рабовладельческой формации с наивысшим расцветом античного полиса и отождествления кризиса полиса с кризисом рабовладельческого строя. Он сформулировал и достаточно убедительно аргументировал для того времени новое и, казалось бы, спорное, теперь же общепринятое положение: классический полис, каким были Афины и до известного периода Рим, не представлял собой наиболее адекватную форму функционирования рабовладельческого способа производства, достигшего наивысшего расцвета. Полис, хотя в нем и использовался труд рабов, основывался (что, как известно, отметил еще К. Маркс¹) на мелком производстве свободных крестьян и ремесленников — собственников земли и средств производства, когда, в неразрывной связи с углубле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 346, прим. 24.

нием имущественного и социального неравенства, с возникновением более или менее крупных состояний, расширяется использование труда рабов, когда рабство овладевает производством², начинается кризис полиса, возникают новые социально-политические образования, дающие наибольший простор развитию рабовладельческих отношений. Именно в результате разложения классического полиса они достигают своего максимального расцвета, и лишь много времени спустя начинается их упадок и кризис рабовладельческого способа производства.

Такая трактовка судеб полиса, в полной мере отвечавшая историческим фактам³, позволяла построить историю рабовладельческой формации (как и отдельных ее периодов) на значительно более прочной теоретической и методологической основе.

В тех же дискуссиях обсуждался и вопрос о природе полиса: можно ли его определить только как политическую структуру, или он представлял собой систему неразрывно связанных социально-экономических и политических отношений, определявших также социальную психологию, идеологию, культуру его граждан. С. Л. Утченко решительно стал на последнюю, несомненно более правильную и теперь, видимо, уже не вызывающую сомнений точку зрения. Отсюда его постоянный интерес к полису, к античной гражданской общине и ее типам. Свою первую большую монографию «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики» (М., 1952) он начал с вводной главы, посвященной сопоставлению греческого полиса и римской *civitas*. Исходя из темы всего исследования, он останавливался здесь, главным образом, на тех моментах, которые определили специфику политической и идеологической жизни полиса и *civitas*: преобладание торгово-ремесленных слоев в первом, аграрных — во второй, чему отвечала иная структура и соответственно иная роль афинского демоса и римского плебса; различные пути становления полиса и *civitas* и их политических институтов, — в частности, в первом случае — «чистый», обусловленный лишь внутренними движущими силами, путь формирования полиса, его классов и институтов, более четких (т. е. шедших в рамках одной общины) социальных конфликтов, более полная победа демоса и определяющая роль народного собрания. Исходя из тех же моментов, объяснялся осложненный борьбой двух общин, патрицианской и плебейской, а также внешней экспансией путь становления римской *civitas*, путь, с которым были связаны политическая слабость плебса, обусловленная малым влиянием торгово-ремесленных слоев, оторванность от плебса сословия всадников, владевших наиболее значительными торговыми и финансовыми капиталами, менее демократическое устройство римской *civitas*, преобладающее значение наделенных империем магистратов.

Уже в этой работе С. Л. Утченко исходил из основных черт античной гражданской общины как отправных пунктов для анализа протекавших в Греции и Риме процессов общественного развития. Значительно шире методология такого анализа разрабатывается и аргументируется им в его капитальном труде «Кризис и падение римской республики» (М., 1965). За годы, прошедшие между написанием этих монографий, проблема полиса так или иначе продолжала обсуждаться в связи с начатым тогда детальным исследованием истории античного рабства, с дискуссиями об общем и особенном в структуре и истории древневосточных и античных обществ, с изучением римских провинций, для характеристики которых

² Там же.

³ Например, тому обстоятельству, что рабовладельческий способ производства достиг своего наибольшего распространения и вширь, и вглубь в I в. до н. э. — II в. н. э. т. е. когда разложение классических полисов осталось далеко позади.

первостепенное значение имеет установление сущности и эволюции основывавшихся в них римлянами городов античного типа. К этому же времени в нашей научной литературе было в полной мере оценено значение рукописи К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и, соответственно, значение античной формы собственности как основы античной гражданской общины, представлявшей собой совокупность особых, неповторимых социально-экономических и политических структур. Такой подход полностью исключал возможность какой бы то ни было модернизации античности и давал отправную точку для анализа имевших место в ее рамках процессов исторического развития.

Основные специфические черты античной гражданской общины, присущие (несмотря на их различия) и греческому полису, и римской *civitas*, С. Л. Утченко четко охарактеризовал, проанализировав их значение, во введении к вышеупомянутой монографии. Он подчеркивал, что полис не был только политической надстройкой над античной формой собственности, сохранение и защиту которой обеспечивали все полисные институты, вся проводившаяся полисом политика, руководившаяся необходимостью гарантировать воспроизводство античной формы собственности, ее стабильность. Сюда относятся взаимосвязь земельной собственности с гражданством, наличие *ager publicus*, признание города верховным собственником земли, замкнутость гражданства, элементы демократии в самой основе полисного устройства — роль народного собрания, связь прав и обязанностей с размерами земельной собственности.

Данная С. Л. Утченко характеристика античной гражданской общины, античного полиса не может не приниматься во внимание изучающими древний мир историками, стремящимися понять специфику древних обществ.

Но, поскольку такая специфика установлена, становится ясно, что ее следует искать во всех областях жизни и истории греко-римского мира, в частности, в его социальной структуре, пытаться конструировать которую по образцу и подобию социальной структуры мира капиталистического — совершенно неправомерно. Еще в 1951 г. С. Л. Утченко выступил со статьей о классах античного общества⁴, где полемизировал с упрощенными представлениями о наличии в древности только двух классов — рабов и рабовладельцев. Согласно этим представлениям к последним причислялись все свободные на том основании, что они были «потенциальными рабовладельцами», или, что они, получая вспомоществование от государства и богатых сограждан, тоже участвовали в эксплуатации рабов. Соответственно едва ли не единственной движущей силой истории античного мира признавалась борьба рабов против рабовладельцев. Рабы и рабовладельцы рассматривались как классы монолитные, что затрудняло изучение конфликтов в среде рабовладельцев и вело к более или менее полному игнорированию сущности и направленности различных политических идеологических течений, которые все квалифицировались, в основном, как идеология рабовладельцев.

В противоположность такой точке зрения, С. Л. Утченко доказывал, что если упомянутые два класса были основными антагонистическими классами рабовладельческого общества, то нельзя сбрасывать со счетов и класс свободных мелких производителей — крестьян и ремесленников. Впоследствии он не раз возвращался к этой проблеме, вырабатывая новые подходы к ее разрешению, изучая труды классиков марксизма о классах и классовой борьбе. Свою сложившуюся таким образом точку зрения

⁴ С. Л. Утченко, О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества, ВДИ, 1951, № 4, стр. 15—21.

он изложил в написанном совместно с И. М. Дьяконовым докладе для XIII Международного конгресса исторических наук⁵ и в книге «Цицерон и его время» (М., 1972).

С. Л. Утченко, опираясь на известные высказывания В. И. Ленина о классах-сословиях докапиталистических обществ, отличных от «чистых», бессословных классов общества капиталистического⁶, и К. Маркса о своеобразии положения в Греции и Риме рабов, стоявших вне гражданского общества и служивших «пьедесталом»⁷ в борьбе между свободными богачами и свободными бедняками, уточняет проблему социального строя античности. Он не отказался от своей прежней общей характеристики ее социальной структуры как включавшей классы рабов, рабовладельцев и свободных мелких производителей, но признал ее несколько схематичной, нуждающейся в известной детализации. Наличие классов-сословий, переплетение классового и сословного деления, пишет он, затрудняет адекватное описание античного общества с помощью двух- или трехчленной схемы. Его нельзя «модернизировать», строить по образу и подобию общества капиталистического. Четкой и ясной картины классовых отношений, характерной для последнего, в древности не было, как не было и не связанных так или иначе с сословным и статусным делением классов. Игнорировать этот факт, продолжает С. Л. Утченко, значит отрицать развитие от формации к формации классов и классовой борьбы как общественных и исторических категорий. Следует, подчеркивает он, постоянно иметь в виду, что социальная структура античного общества была классово-сословной структурой, а это обуславливало неоднозначность связей между производственным положением и правовым статусом. К одному сословию могли относиться и эксплуатируемые, и эксплуататоры, а люди, отношение которых к средствам производства было одинаковым, могли входить в разные сословия, обладать разным правовым статусом. Уточнения, пишет он, требуют и наши представления об основных классах — рабовладельцах и рабах. Термин «рабовладельцы», по мнению С. Л. Утченко, носит слишком общий, нивелирующий характер. На деле же господствующий класс античного мира в разные эпохи его истории и в разных его регионах был неодинаков; так, например, несомненно различие между правящим классом Афин эпохи расцвета и эллинистического Египта, раннего Рима и Римской империи. Рабы также не представляли собой монолитного класса. С развитием римского рабовладельческого общества класс-сословие рабов дифференцируется, для ряда групп рабов классовая и сословная принадлежность перестает совпадать. Антагонизмы различных общественных классов, как и классовая борьба в античном мире, усложнены тем, что наряду с классами и в тесном переплетении с ними существовали сословия, статусы, иерархически соподчиненные группировки, и в этой усложненности — специфика структуры античного общества. Не замечать ее так же неправомерно, как игнорировать классы и классовую дифференциацию, — то и другое может повести к антиисторическому подходу, к модернизации («Цицерон и его время», стр. 58—64).

Приведенные соображения С. Л. Утченко имеют тем большее значение, что вопрос о социальной структуре античного и, в частности, римского мира привлекает все большее внимание зарубежных историков, как далеких от марксизма, так и в той или иной степени к нему приближающихся, причем представляет значительные трудности и для последних. Многочисленность сословных и статусных (в основном связанных

⁵ И. М. Дьяконов, С. Л. Утченко, Социальная стратификация древнего общества, М., 1970.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 476; т. 6, стр. 311.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 375.

с правами гражданства) групп и слоев затемняет для них наличие классов, тем более, что, как известно, само понятие «класс» в западной литературе разными историками и социологами толкуется по-разному и, по большей части, весьма произвольно и нечетко. Даже те из них, которые пытаются разобраться в марксистском понимании этого вопроса, не используют ленинского определения классов-сословий, характерных для докапиталистических формаций, почему соотношение статусного, сословного и классового деления, так же как и определяющая роль последнего, остаются для них непонятными. Без сомнения, С. Л. Утченко был совершенно прав, выступая против игнорирования специфики социальной структуры древних обществ, мешающего с достаточной глубиной изучать особенности классовой борьбы и обусловленные ею процессы. Ведь и при анализе тех или иных событий или периодов в истории капиталистической формации с ее ничем не затемненным, предельно четким делением общества на два антагонистических класса, основоположники марксизма тщательнейшим образом вскрывали и анализировали положение, роль, значение, интересы неосновных классов, промежуточных социальных слоев и групп в их соотношении с основными классами, с основной линией классовой борьбы. Столь же тщательно, без сомнения, должны учитываться различные слои и группы в разные периоды существования античного мира, с их не только классовыми, но и сословными и статусными связями, с их эволюцией, обусловленной развитием социально-экономических отношений в целом и исторически сложившимися особенностями того или иного региона.

Стоит, между прочим, упомянуть, что С. Л. Утченко впервые обратил внимание на такой слой римского общества, как интеллигенция, которая формировалась из различных общественных элементов — от рабов до средних слоев свободнорожденных граждан — и несомненно, играла важную роль в истории последних веков республики и в эпоху империи. Как одного из самых ярких представителей такой интеллигенции С. Л. Утченко характеризовал и Цицерона.

Исходя из своей концепции полиса, как специфической основы античного мира, социальной структуры последнего, а, следовательно, и особенностей классовой борьбы, С. Л. Утченко развил оригинальную и глубоко аргументированную концепцию падения римской республики и возникновения империи (прежде всего в его вышеупомянутой книге «Кризис и падение Римской республики»).

Чтобы по достоинству оценить эту концепцию С. Л. Утченко, напомним некоторые бытовавшие в нашей науке в период его работы над книгой точки зрения на эту проблему. Высказывались мнения, что переход от республики к империи был результатом подавления революционных движений рабов и, особенно, восстания Спартака, результатом консолидации класса рабовладельцев, сплотившихся против рабов. Но такое слишком ригористическое толкование событий не давало достаточно исчерпывающего объяснения перипетиям начавшихся с Гракхов гражданских войн и конфликтов среди свободных (рассматривавшихся как актуальные и «потенциальные» рабовладельцы), не объясняло, чем отличалась социальная база империи от социальной базы республики и что лежало в основе последующих социальных конфликтов времен Юлиев-Клавдиев и Флавиев.

Поскольку четкий анализ социальной базы империи отсутствовал, ее определяли как военную диктатуру, опиравшуюся на деклассированную армию и проводившую политику лавирования между различными социальными слоями, что (с учетом разницы между капиталистическим и рабовладельческим обществом) позволяло проводить параллели между «це-

заризмом» и «бонапартизмом». Но при такой трактовке неизбежно возникают вопросы, которые остаются без ответа. Как могла в течение пятисот лет просуществовать проводящая политику лавирования военная диктатура, т. е. государство, не имеющее достаточно широкой и прочной социальной опоры, когда весь опыт истории показывает, что подобные государственные формы обычно существовали лишь в течение кратких промежутков времени, при переходе от одного государственного или общественного строя к другому? Как могло это государство веками опираться на деклассированную армию, тогда как армия, так же как и управленческий аппарат, всегда бывает тысячью нитей (по выражению В. И. Ленина⁸) связана с господствующим классом или теми или иными его фракциями? Такая аномалия требовала бы специальных разъяснений. Да и сам переворот, знаменовавший переход от республики к империи, оставался без четкой квалификации, поскольку все внимание сосредоточивалось на положении рабов и в стороне оставалась проблема собственности. Между тем, не подлежит сомнению, что формы эксплуатации в отрыве от форм собственности не могут стать основой исчерпывающей характеристики общества и сущности общественных движений. Сопровождалась ли эпоха римских гражданских войн, закончившаяся установлением империи, «вторжением в отношения собственности»? А от ответа на этот вопрос зависел и ответ на вопрос, имела ли в то время в Риме место революция? Не просто смена одной государственной формы другой (как склонны понимать революцию некоторые западные историки) и не «революция рабов», не выдержавшая проверки фактами, а политическая и социальная революция, в основе которой лежит совершающаяся в результате широких массовых движений смена отношений собственности и, как следствие, смена у власти одного класса другим или одной фракции господствующего класса другой его фракцией.

Концепция, предложенная С. Л. Утченко, давала ответ на многие из этих вопросов. С его точки зрения, в основе протекавших в Риме в последние полтора века существования республики процессов, завершившихся установлением единоличной власти Августа, лежало обусловленное превращением Рима в огромную державу разложение античной формы собственности и всех порожденных ею полисных институтов. С. Л. Утченко рассматривает историю каждого из них со времен его установления и процветания до более или менее полного упадка, вскрывая его причины.

Один из важнейших симптомов кризиса политического устройства республики он видит в кризисе комиций, падении значения народного собрания, что связывает с разложением коллективной собственности, неотъемлемого элемента античной формы собственности, и с утверждением новых видов собственности, что знаменовало эволюцию собственности в сторону частной, неограниченной и неконтролируемой. Падает и роль терявшего свои земельные наделы плебса, расколовшегося на плебс сельский и городской, причем роль последнего возрастала за счет первого. Большое значение в эволюции полисной собственности, в исчезновении или, во всяком случае, ослаблении связи владельческих и гражданских прав С. Л. Утченко придает возникновению новой наемной армии, сменившей гражданское ополчение. Ветераны со времени Мария начинают получать земельные наделы не по праву граждан, а в награду за свою службу. Земля из обеспечения бытия гражданина как такового превращается просто в один из видов недвижимого имущества. Традиционная линия аграрного законодательства — наделение земель неимущих граждан — сменяется сходной по форме, но отличной по содержанию линией — наделением земель

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 440.

ветеранов. Соответственно полисные традиции, полисные институты теряют для солдат и ветеранов свое значение, армия превращается в новую социально-политическую силу, не связанную с античной формой собственности, с античной гражданской общиной. Однако римская армия для С. Л. Утченко ни в коей мере не является деклассированной, оторванной от общества корпорацией, какой ее, как уже упоминалось выше, нередко считали и в зарубежной, и в нашей литературе. Напротив, армия, по его мнению, представляла интересы тех слоев, которые были в наименьшей степени связаны с полисными институтами и полисной собственностью. Очень важна и нова также и его точка зрения на население провинций как на активного участника событий эпохи гражданских войн, особенно войн цезарянцев с помпеянцами и триумвиров с республиканцами, когда часть провинциалов поддерживала одну, часть — другую сторону, что оказывало большое влияние на ход военных действий и их конечный результат.

Рассмотрев, таким образом, разложение Рима как полиса, охарактеризовав те силы, которые участвовали в обусловленной трансформацией прежних отношений борьбе, а также события последних десятилетий республики, свидетельствовавшие о невозможности восстановить эти отношения и, в частности, опиравшуюся на плебс демократию, С. Л. Утченко переходит к анализу сущности имевшего место переворота. С его точки зрения, эпоха от Гракхов до Августа может быть квалифицирована как эпоха социальной революции. Однако для него сущность этой революции состоит не в смене политических форм, а ее кульминация падает не на последний период гражданских войн, предшествовавших непосредственно установлению империи, и не на восстание Спартака. Исходя из данных источников и отталкиваясь от высказываний классиков марксизма о характере классовой борьбы в античном мире, С. Л. Утченко говорит о двух линиях революционных массовых движений — крестьянской аграрной и рабской. Обе они были порождены кризисом полиса и развитием рабовладельческих отношений, но они не перекрещивались и не сливались в единый поток. Некогда бытовавшие в нашей науке представления о рабах как о «классе-гегемоне» революции, а о крестьянах как о «попутчиках», представления, основанные на модернизации античных отношений, не соответствуют ни известным нам фактам, ни марксистской теории классовой борьбы — борьбы, эволюционирующей с точки зрения ее организованности, сознательности, ясности целей от формации к формации и достигающей своего наивысшего развития при капитализме, когда классом-гегемоном революционного движения становится пролетариат. При всем значении спартаковского восстания, при всем уважении к героической борьбе его участников и выдающимся качествам самого Спартака как революционного и военного вождя, восстание его нельзя считать главной (а тем более — единственной) причиной перехода от республики к империи, как военной диктатуры рабовладельцев, сплотившихся против рабов. С. Л. Утченко, еще употреблявший термин «военная диктатура» в своей первой монографии, отказывается от него в книге «Кризис и падение Римской республики». Что же касается «консолидации класса рабовладельцев», то исследователь подчеркивает тот факт, что гражданские войны конца республики были, напротив, результатом раскола господствующего класса, отдельных слоев которого боролись между собой за установление наиболее отвечающего их интересам социально-политического строя, выдвигая своих вождей и претендентов на власть.

Революцией или, вернее, кульминационным пунктом целой эпохи революции, нанесшей окончательный удар Риму как полису, С. Л. Утченко считает Союзническую войну, массовое восстание италийского крестьянст-

ва, требовавшего земли и политических прав, открывших доступ к земле. Фактическая победа италиков ликвидировала замкнутость гражданства, обуславливавшую гражданством в сравнительно небольшой общине владельческие права на ее территории, превратила в фикцию участие всех граждан в народном собрании, обусловила массовое пополнение легионов италиками, не связанными с традициями Рима-полиса. Так оказалась разрушенной уже ранее разлагавшаяся античная форма собственности, основа римской гражданской общины, т. е. произошло решительное «вторжение в отношения собственности», характерное для всякой социальной революции. С. Л. Утченко приводит ряд примеров таких революций, имевших место внутри одной и той же формации (Крестьянская война 1525 г. в Германии, революция 1848 г. во Франции, революция 1905 г. в России), либо решавших задачи, оставшиеся нерешенными после социальных революций, знаменовавших смену одной формации другой, либо такие революции подготовлявших. Но, как и при всех досоциалистических революциях, широкие народные массы не пришли к власти, и требования их после Союзнической войны были удовлетворены лишь в незначительной мере. Их борьбой и победой воспользовались соперничавшие группировки господствующего класса. Последние гражданские войны и были результатом этого соперничества. Под таким углом зрения и рассматривает их С. Л. Утченко. Он показывает, что ни слабый, расплывчатый плебс, ни группировки, возникавшие среди сенаторов и всадников, не могли быть прочной опорой в борьбе за установление каких-то новых социально-политических форм. В Риме еще не было классов, способных создать свои партии в современном значении этого слова. С. Л. Утченко, опираясь на детальный терминологический анализ римских авторов, убедительно опровергает мнение тех, кто считал такими партиями оптиматов и популяров. Единственной организованной силой была армия. Цезарь, начинавший свою деятельность как популярь, на практике убедился в слабости римской демократии и римского плебса и понял, что в борьбе со своими противниками может опереться только на армию. Однако победа Цезаря, а впоследствии Августа не может рассматриваться как победа солдатского вождя, военного диктатора. В этой связи С. Л. Утченко в книге «Юлий Цезарь» (М., 1976) пересматривает представления, связанные с зародившимся в эту историческую эпоху понятием «цезаризм», доказывая их неосновательность в применении как к самому Цезарю, так и к последующим римским императорам. Действительно, по-видимому, Римская империя на любой стадии своего существования не в большей мере может считаться диктатурой, чем всякое иное государство в классовом обществе. При всем значении армии, как «материальной опоры» императорской власти, ее истинной широкой социальной опорой были поддерживавшие и Цезаря те, по словам С. Л. Утченко, «более перспективные» фракции господствующего класса, которые боролись со старой сенатской знатью и оттеснили ее, лишив власти.

С. Л. Утченко не расшифровывает подробно свое понимание таких «перспективных» фракций или слоев, но все его исследование достаточно ясно показывает, что они собой представляли. С разложением Рима как полиса открывался широкий путь для рабовладельческого способа производства и на передний план выдвигается класс рабовладельцев в собственном смысле этого слова, т. е. более или менее значительных собственников средств производства и, в первую очередь, земли, ведущих свое хозяйство на основе эксплуатации находившихся в их полной собственности рабов и производивших более или менее значительную часть своей продукции на продажу. Этот класс уже окреп в городах Италии, издавна существовал в некоторых восточных провинциях и постепенно

начал формироваться в городах западных провинций из переселявшихся туда италиков, наделенных землей ветеранов и романизовавшихся провинциалов. Он выступал против римской, а в провинциях и против местной крупной землевладельческой знати (часто связанной с раннерабовладельческими и нерабовладельческими формами эксплуатации и натуральным хозяйством), господство которой тормозило развитие социально-экономических и политических отношений, наиболее благоприятных для класса рабовладельцев. С установлением власти Цезаря и особенно Августа этот класс быстро набирает силу как носитель для того времени еще прогрессивного развитого рабовладельческого способа производства. Таким образом, совершается не только «вторжение в отношения собственности» (помимо крушения полисной собственности в Риме, следует учитывать и передачу значительной части земли, принадлежавшей ранее старой италийской и провинциальной знати, новым муниципальным собственникам), но и переход власти к иной фракции господствующего класса, формирование иной классовой базы римского государства. Поскольку же рабовладельческий способ производства был еще на подъеме, создание условий, обеспечивавших его дальнейшее развитие вширь и вглубь, было прогрессом, а не регрессом, каким склонны считать установление империи некоторые античники.

Такое понимание падения римской республики, основанное на марксистском подходе к анализу сущности революции, резко отличается от понимания ее буржуазными историками и, вместе с тем, гораздо более глубоко объясняет имевшие место в последний век республики и первые века империи события и процессы, чем попытка объяснить их «революцией рабов» и установлением военной диктатуры. Недаром книга С. Л. Утченко приобрела большую популярность не только в нашей стране, но и за рубежом.

Следует отметить также данную С. Л. Утченко совершенно справедливую критику восходящих еще к Моммзену бесчисленных попыток выявить юридические основы власти Августа (*imperium, auctoritas, tribunicia potestas*), чрезмерного преувеличения значения таких «основ» в ущерб анализу фактического положения дел. Август, пишет С. Л. Утченко, наименовал созданную им систему *respublica restituta*, хотя отлично знал, что это лишь пропагандистский лозунг, не соответствующий действительности. При всем значении юридического момента в анализе тех или иных социальных и политических сторон римской действительности совершенно неправомерно преувеличивать его именно при анализе реальной сущности власти Августа и последующих императоров, в политике которых социальная демагогия играла исключительно большую роль.

Рассматривая падение республики и становление империи под очень характеризованным здесь углом зрения, С. Л. Утченко всегда уделял очень большое внимание идеологии боровшихся между собою группировок. Ей была посвящена его первая книга. В ней С. Л. Утченко прослеживает издавна шедшую в Риме борьбу между филэллинской и охранительной тенденциями, совпадавшую с борьбой между идеологией, призывавшей к консолидации интересов всех граждан Рима, и идеологией, выдвигавшей на передний план интересы какого-то определенного общественного слоя. Первую тенденцию он прослеживает от старших анналистов и Катона до Августа; вторую — от младших анналистов до Саллюстия. Наиболее ярким представителем первого направления был Цицерон, второго — Саллюстий. С. Л. Утченко детально анализирует эволюцию взглядов того и другого в связи с эволюцией общего положения в Риме, разложением полисных институтов, обострением классовой борьбы. Он показывает значение и классовую сущность теории «упадка нравов» в политической кон-

цепции Саллюстия, как и учения о смешанном государственном устройстве и «согласии сословий» в концепции Цицерона. Обе концепции он сопоставляет с мероприятиями Цезаря, шедшего своим путем, который был подсказан насущными нуждами управления, а не некими утопическими планами, сводившимися, в общем, к возрождению Рима как полиса. Исходя из необходимости идеологически оформить созданную им систему, Август заимствовал «надпартийные» лозунги Цицерона, но последнего никак нельзя считать идеологом и провозвестником монархии, какого пытались видеть в нем многие историки.

Большой заслугой С. Л. Утченко был его тонкий анализ кризиса идеологии социальных слоев, сложившихся на основе полиса, в связи с кризисом самого полиса. Их политические учения были утопичны потому, что, как можно видеть из самого хода событий, начиная с Гракхов, возродить Рим как полис было невозможно. Вместе с тем, исследование С. Л. Утченко показывает, насколько живуча была полисная идеология и система ценностей, сложившаяся в условиях Рима-полиса. По существу говоря, социальные слои, объективно борющиеся за установление империи, не имели своей осознанной идеологии, сформулированной программы, противопоставляемой полисной, и даже Август, создавая идеологические основы принципата, сознательно или бессознательно вынужден был черпать материал из системы ценностей, из политических лозунгов той же римской гражданской общины. А это лишний раз подтверждает ее определяющую роль для всей системы, для всех структур римского общества и римской культуры.

К проблеме идеологии и идеологической борьбы С. Л. Утченко на более широкой основе вернулся в своей последней, еще не опубликованной книге «История политических учений в Риме». Центральное место в ней занимает история проникновения в Рим эллинистической культуры, ее трансформация там под влиянием основных черт римского мировоззрения, борьба с «чужеземными влияниями» и их постепенная адаптация. Процесс этот исследуется в тесной взаимосвязи с изучением классовой борьбы и конфликтов внутри господствующего класса. В противоположность тем, кто видит в Риме лишь сторону, пассивно воспринимавшую эллинистическую культуру, С. Л. Утченко показывает самобытность римской идеологии и культуры, вклад Рима в синкретическую античную культуру, распространившуюся по всему Средиземноморью при империи, но формировавшуюся уже при республике.

С. Л. Утченко был не только глубоким исследователем, но и превосходным стилистом, и в этом также причина большой популярности его книг среди широкой читающей публики. Интерес С. Л. Утченко к личности, характеру, целям и намерениям исторических деятелей выгодно отличает его работы от некоторых ранних наших работ по античности, в которых нередко живой исторический процесс затемнялся общими социологическими схемами.

С. Л. Утченко в изучавшейся им области истории дал образец творческой реализации общих положений исторического материализма о роли личности в истории на примерах основных политических деятелей и идеологов бурной и переломной эпохи римской истории конца республики. Уже в своей первой монографии об идейно-политической борьбе в Риме накануне падения республики (1952 г.) он уделил особое внимание характеристике взглядов и роли Саллюстия и Цицерона.

В последующих работах С. Л. Утченко развил и углубил этот подход. В его монографиях «Кризис и падение Римской республики» и «Древний Рим. События. Люди. Идеи» получила глубокую трактовку историческая роль Суллы, Помпея, Клодия, Цицерона, Цезаря, Октавиана.

Что характерно для этих работ С. Л. Утченко? Прежде всего принципиальный отказ от всякой модернизации и подчеркивание глубочайшей связи данного исторического деятеля с его эпохой и определенным социальным слоем, решительное преодоление телеологизма, категорический отказ от мифов, сложившихся под влиянием конечных результатов деятельности того или иного протагониста, тщательное определение субъективных стремлений и объективных последствий в деятельности крупной исторической фигуры, их несовпадение, порождающее противоречивость, раздвоенность в конечных оценках роли конкретного деятеля.

Исследование политической деятельности ряда политических фигур I в. до н. э. позволило С. Л. Утченко дать оригинальные, весьма убедительно разработанные портреты исторических деятелей эпохи падения римской республики. Это можно показать хотя бы на примерах его анализа исторического значения Клодия и Помпея, но особенно Цицерона и Цезаря, весь материал о которых был изучен настолько досконально, известен так хорошо, что, казалось бы, вряд ли здесь можно что-нибудь сделать. Оригинальные и глубоко аргументированные оценки С. Л. Утченко покоятся на скрупулезном анализе каждой конкретной ситуации, выявлении всех возможных связей того или иного явления с другими, на новом чтении всего круга источников и размышлении о сущности исторического описания, принадлежащего пристрастным очевидцам. Историки, занимавшиеся изучением середины I в. до н. э., много внимания уделяли движению Клодия и фигуре его руководителя. Н. А. Машкину удалось преодолеть распространенную точку зрения на Клодия как на ставленника Цезаря, беспринципного анархиста, и показать его известную самостоятельность. Тщательный анализ ситуации позволил С. Л. Утченко внести существенные коррективы в понимание характера деятельности Клодия. Он обратил внимание на интерес Клодия к аграрным проблемам, на социальный состав отрядов Клодия, на сложность отношений Клодия с Цезарем. «Есть достаточные основания считать, — пишет он, — что в 50-х гг. широкое общественное мнение признавало главой популяров скорее Клодия, чем Цезаря, и трибунат Клодия был поэтому своеобразной „демократической реакцией“ на разочаровавшую широкие массы деятельность Цезаря во время его консульства»⁹.

Следует отметить мастерство исторической характеристики в оценке такой противоречивой фигуры, как Помпей. Исследователю здесь пришлось преодолевать не только давление многочисленных оценок, имеющих в историографии, но и решать проблему исторического подхода к побежденному в конечном счете полководцу, которого к тому же всегда рассматривают на фоне успехов его победителя Цезаря. С. Л. Утченко успешно преодолел эти опасности, обратившись к тщательному анализу конкретной исторической ситуации, и дал весьма оригинальное понимание роли деятельности и личности Помпея. Он решительно возражает против нигилистического отношения к последнему, идущего от Друмана и Моммзена, вскрывает несостоятельность концепции Эд. Мейера о Помпее как основателе принципата, подчеркивает его крупную роль в истории римского государства 70—50-х гг. I в. до н. э.

Однако наиболее важны в интересующем нас аспекте две последние вышедшие монографии С. Л. Утченко — «Цицерон и его время» и «Юлий Цезарь», в которых впервые советский читатель получил наиболее систематическое и вместе с тем наиболее оригинальное исследование о двух ключевых фигурах римской истории I в. до н. э. Именно в анализе их деятельности всего полнее проявилось исследовательское мастерство ученого.

⁹ С. Л. Утченко, Цицерон и его время, М., 1972, стр. 216.

В этих монографиях С. Л. Утченко с особенной убедительностью продемонстрировал плодотворность своих принципиальных установок в подходе к анализу деятельности и значения исторической личности. Отказ от описательного биографизма, от телеологического подхода, преодоление сложившегося мифа, рассмотрение всех поступков в конкретной исторической обстановке, установление многочисленных связей данной ситуации, интерес ко всем свидетельствам (порой совершенно незначительным на первый взгляд), глубина психологического анализа позволили С. Л. Утченко дать ясную, аргументированную картину исторической деятельности и значения этих основных протагонистов конца республики. Нашедшая свое выражение в этих книгах концепция С. Л. Утченко о Цицероне и Цезаре — новое слово в советской и мировой историографии.

В одной статье нет возможности дать исчерпывающий анализ всего научного творчества С. Л. Утченко. Прилагаемый список его трудов показывает, сколь многосторонни и широки были его научные интересы. В заключение лишь подчеркнем, что значение новых идей С. Л. Утченко в постановке и решении фундаментальных проблем античной и римской истории весьма велико и плодотворно для развития советского антиковедения. Он обогатил советскую науку рядом принципиально новых положений, которые будут способствовать ее дальнейшему развитию.

S. L. UTCHENKO, HISTORIAN OF THE ANCIENT WORLD

E. M. Shtaerman, M. A. Korostovtsev, V. I. Kuzishchin

Among the contributions made by S. L. Utchenko to historical studies on antiquity the authors regard as particularly significant the way he posed and resolved problems relating to the following topics. 1. The essence and principal features of the polis and the relation of its crisis to the rise and decline of ancient slave society. 2. The social structure of the ancient world and the class struggle: the importance of analysing the division of ancient society into classes, orders, statuses, and the specifics of ancient classes, in order to arrive at a true evaluation of these two social phenomena. 3. The character of the transition in Rome from Republic to Empire, characterised by Professor Utchenko as an intraformational social revolution induced by the crisis of the ancient form of property which underlay the polis and, accordingly, by the crisis of the polis itself and all its institutions. This revolution culminated in the rising of the Italian peasantry against the Roman polis (the Social War) and resulted in a profound breach in existing property relations (replacement of the limited polis form of private property by absolute private property) and the passing of power to a new fraction of the dominant class. 4. The development of Roman political doctrine and ideological struggle in connection with the evolution of the political structure, the sharpening of social contradictions, the penetration of Hellenistic teachings, which upon encountering the Roman system of values were modified and transformed under its influence; this shows the fallacy of representing Rome as merely the passively receiving party in this meeting of two cultures. 5. The part played in Roman history by eminent public figures, regarded as representatives of certain social groups which were actuated by specific historical situations.